

DOI: 10.31857/S013038640006342-4

© 2019 г. Г. Н. ПОНЕДЕЛКО

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА В ИСПАНИИ (XVI–XVII века)

Понеделко Галина Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия).

E-mail: marta0505@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности двухсотлетней истории Великой Испанской монархии в эпоху ее глобального доминирования — периода небывалого могущества и процветания — и последующего периода экономического и политического упадка. Рассматриваются причины драматического для Испании процесса экономической деградации, противоположного тому, который происходил в других ведущих европейских странах, вставших на путь активного формирования национальных буржуазных государств и капиталистических производственных отношений. Подчеркнута важная роль заморских территорий империи в ее экономическом и политическом развитии, а также освещены особенности объединенной испано-атлантической системы управления. Кульминация испанского мирового могущества приходится на вторую половину XVI в. Но уже в конце XVI — начале XVII в. начали проявляться первые признаки экономического упадка.

Опираясь на исследования и идеи зарубежных и российских историков, а также обобщая собранный ими богатый фактический материал, автор представляет свое видение проблемы и придает большое значение анализу экономических факторов первоначального накопления капитала, обусловивших поражение испанской монархии в борьбе с ее главными историческими соперниками: Англией и Францией.

Особое внимание уделяется анализу структуры управления империей, особенностям государственной экономической политики кастильских монархов, сыгравшей крайне негативную роль в развитии торговли, промышленности и сельского хозяйства как самой метрополии, так и ее колоний. Анализируются бюджетная и кредитно-финансовая политика государства, действовавшего, прежде всего, в интересах узкой социальной и региональной прослойки кастильской аристократии. Колониальные богатства и чрезмерная эксплуатация предпринимательских и низших слоев населения привели к опустошению внутренних и внешних источников частнокапиталистического накопления, финансовому банкротству и политической деградации испанской монархии.

Ключевые слова: первоначальное накопление капитала, инквизиция, Реконкиста, королевский абсентеизм, Места, революция цен.

G. N. Ponedelko

**Features of the Original Accumulation of Capital in Spain
(XVI–XVII centuries)**

Galina Ponedelko, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: marta0505@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the two-hundred-year history of the great Spanish monarchy in the era of its global domination – a period of unprecedented power and prosperity – and the subsequent period of economic and political decline. The author considers causes of the dramatic process of economic degradation in Spain, which is opposite to that in other leading European countries, which embarked on the path of active formation of the national bourgeois state and capitalist production relations. The important role of the overseas territories of the Empire in its economic and political development is emphasized, as well as the features of the united Spanish-Atlantic system of government are highlighted. The culmination of the Spanish world domination falls on the second half of the 16th century. But at the end of the 16th – early 17th century it began to show the first signs of economic decline.

Relying on research and ideas of foreign and Russian historians and summarizing rich, relevant materials collected by them, the author presents his vision of the problem and attaches great importance to the analysis of economic factors of the initial capital accumulation that led to the defeat of the Spanish monarchy in the struggle with its main historical rivals, namely Britain and France.

Special attention is paid to the analysis of the structure of the Empire, the peculiarities of the state's economic policy of the Castilian monarchs, which played a very negative role in the development of trade, industry, and agriculture of both the metropolis and its colonies. The article analyzes the budgetary and credit policy of the Empire which acted primarily in the interests of a narrow social and regional stratum of the Castilian aristocracy. Colonial wealth and the overexploitation of the entrepreneurial and lower strata of the population led to the devastation of internal and external sources of private capitalist accumulation, financial bankruptcy, and political degradation of the Spanish monarchy.

Keywords: primitive accumulation of capital, Inquisition, Reconquista, Mesta, price revolution, royal absenteeism.

Период первоначального накопления капитала в Испании, качественно изменивший картину мира, сложившуюся к началу XVIII в., – один из самых интересных в испанской, европейской и всемирной истории. Это время исторического банкротства Великой Испанской монархии, крупнейшей колониальной империи того времени, превращения ее во второстепенное европейское государство с деградирующими экономической и политической системами и вымирающим населением.

Начало созданию Великой Испанской монархии было положено династической унией – браком «великих католических королей Испании» Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского в 1469 г., приведшей к объединению двух крупнейших феодальных королевств, существовавших тогда на территории Иберийского полуострова. В результате этого объединения Испания одной из первых в Европе преодолела феодальную замкнутость и приступила к созданию единого централизованного государства с довольно эффективной по тем временам политической системой. Она основывалась на вассалитете, свободном крестьянстве и законодательном закреплении средневековых вольностей («фуэрос») за отдельными христианскими феодальными королевствами и городами, сыгравшими важную роль в многовековом процессе «реконкисты», завершившемся в 1492 г. завоеванием Гранады, последнего оплота почти восьмивекового господства арабов на территории Испании.

В 1519 г. испанский король Карл I Габсбургский (внук Изабеллы и Фердинанда) был избран императором Священной римской империи под именем Карла V, что сделало его самым могущественным европейским монархом, активно проводившим общеевропейскую христианскую политику. С его именем связаны «священная война» против турок-мусульман, гонения на протестантов, масонов, приверженцев новых идеологических принципов эпохи Возрождения и Просвещения, прочих еретиков, отвергавших «неверные» церковные догмы.

Решающим фактором в создании Великой Испанской монархии стало открытие Христофором Колумбом Нового Света, положившее начало превращению Испании в мировую империю, в которой «никогда не заходило солнце» и которая охватывала шестую часть земного шара с населением в 60 млн человек.

В ходе завоевания испанскими конкистадорами Нового Света почти все его земли были провозглашены собственностью испанской монархии, ставшей монопольной обладательницей несметных американских сокровищ. За несколько десятилетий в Испанию было вывезено 185 т золота и 16 тыс. т серебра и, как следствие, европейские запасы этих драгоценных металлов выросли соответственно на 20% и 300%¹. В результате династической унии к Испании отошли Нидерланды, Наварра, Южная Германия, Сицилия, Сардиния, Неаполь, обеспечившие испанской монархии гегемонию на Средиземном море, захвачены Филиппины, Канарские, Марианские и Маршалловы острова, частично Северная Африка, присоединены Португалия (правда, всего на 60 лет) с ее мощным флотом и со всей колониальной собственностью в Африке, Бразилии, Вест-Индии.

Освещая эту золотую эпоху в истории Испании, К. Маркс писал: «Это было время, когда Васко Нуньес де Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писсаро — в Перу... когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции»².

Столь обширные территории требовали создания политико-административной и экономической систем, способных управлять отдаленными друг от друга колониальными и внутренними землями метрополии. Объединенная испано-атлантическая система управления представляла собой достаточно четкое по тем временам взаимодействие местных, региональных и центральной структур власти с единым «общим для всех и каждого сувереном» в лице короля Кастилии, которого большинство из присоединенных территорий никогда не видело³. Для укрепления власти на местах монархия назначала вице-королей (своего рода *alter ego* правящего монарха) из числа представителей кастильского дворянства. Вице-короли заморских территорий на местах пользовались неограниченными правами, однако в рамках своей юрисдикции были тесно связаны с королем, центральным правительством, с Государственным советом и его основными подразделениями (военно-политическим, финансовым, по управлению заморскими территориями и Совещательным советом). Большинство территорий метрополии (Португалии, Арагона, Каталонии, Валенсии и др.), несмотря на их формальное подчинение кастильской короне, в той или иной степени продолжало сохранять свои законодательства, обычаи, военные знамена, различные денежные и налоговые системы, ограничивавшие как права вице-королей, так и самого суверена. В этом смысле Великая Испанская монархия по сути была «свободной федерацией территорий».

¹ Elliott J. H. *Imperial Spain: 1469–1716*. Penguin (UK), 2002, p. 139.

² Маркс К. Революционная Испания. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 10. М., 1958, с. 431.

³ Фердинанд из 37 лет своего правления только 4 года провел в Каталонии. Карл V за 40 лет своего правления 16 раз посещал Испанию, но прожил в ней в общей сложности 7 лет.

Правление сына Карла I Филиппа II (1556–1598 гг.), его называли «хозяином Европы», стало кульминацией испанского мирового могущества. Испано-португальский торговый флот был крупнейшим в мире, а сухопутная армия — одной из самых сильных в Европе. Особенно быстрыми темпами развивалась Кастилия, являвшаяся экономическим центром метрополии, ее наиболее населенным регионом, в котором проживало свыше 73% населения. Рост производства (шелкового, керамического, кожаного, металлического) наблюдался во многих испанских городах (Севилье, Толедо, Кордобе, Сеговии, Бургосе). Общая доля ремесленников в социальной структуре населения составляла 16%⁴. Во втором десятилетии XVI в. Севилья стала крупнейшим европейским центром колониальной торговли, поставлявшим «всему свету шелк-сырец, кожу, кружева» в обмен на колониальные товары. В это время в городе насчитывалось 16 тыс. текстильных мастерских, а его население к 1588 г. увеличилось с 60 тыс. до 150 тыс. человек⁵. В некоторых городах начали появляться мануфактурное производство, банки, осуществлявшие депозитные и ссудно-обменные операции, кредитование внешней и внутренней торговли, операции государственного долга. Крупнейшим финансово-кредитным центром Европы, где проводили свои операции самые богатые купцы и банкиры континента, являлись ярмарки в Медина дель Кампо.

Первые признаки экономического упадка начали проявляться в Испании уже в конце XVI — начале XVII в. В первую очередь была затронута Кастилия, наиболее развитый регион метрополии. В тяжелом положении оказалась зарождавшаяся мануфактурная промышленность, которая, так и не развившись, почти полностью исчезала. В Толедо из 50 шерстяных мануфактур в первой половине XVI в. через несколько десятилетий осталось всего 13⁶. Положение в промышленности сказалось на всей экономике, сельском хозяйстве и торговле. Испания нищала, некогда цветущие города приходили в упадок и запустение, внутренний обмен и связи между провинциями слабели. Частые эпидемии чумы, голод, массовые казни протестантов и преследования по религиозным и другим мотивам сокращали численность населения. В 1646 г. население Бургоса составляло всего 3 тыс. человек, в то время как всего пять предшествующих десятилетий — 13 тыс. Половину своих жителей потеряла и некогда процветавшая Севилья. По свидетельству путешественников середины XVII в., Испания представляла собой «Ливийскую пустыню, так мало она заселена». «Это эндемичное образование без духа и сил, чтобы чувствовать свою собственную слабость»⁷.

Каковы же причины столь трагического экономического и политического упадка страны? Среди советских и зарубежных авторов, занимавшихся этой проблемой, следует особо выделить английского исследователя Джона Х. Эллиотта. Его монография «Имперская Испания: 1469–1716», основанная на впечатляющем библиографическом и фактическом материале, представляет собой одну из самых серьезных попыток осветить эту проблему с сегодняшних позиций осмысления исторического процесса. Однако, на наш взгляд, наиболее исчерпывающий и обобщающий ответ на поставленный вопрос дал К. Маркс, выделивший две группы факторов объективного и субъективного характера, обусловивших экономическую деградацию испанского государства в период первоначального накопления капитала.

Процесс первоначального накопления капитала объективно представлял собой соединение трех важнейших элементов: свободной рабочей силы, предпринимательства и капитала. В классическом английском варианте этот процесс происходил в форме насильственной экспроприации земли и средств производства

⁴ Martin J. L. La Peninsula en la Edad Media. Barcelona, 1976, p. 665.

⁵ Elliott John H. Op. cit., p. 126.

⁶ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии, т. 2. СПб. — М., 1873, с. 63.

⁷ Prieto J. P. Estructura economica de Espana en el siglo XVIII. Madrid, 1975, p. 452.

у сельскохозяйственного производителя. Лишенный земли крестьянин вынужден был продавать свою рабочую силу. «История этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня»⁸.

В отличие от большинства западноевропейских стран в Кастилии огораживание общинных земель и отделение производителя от средств производства имело свою специфику в силу наличия огромной массы безземельного крестьянства и высокой концентрации земельной собственности, 97% которой со времен Реконксты принадлежало 2–3% феодальной земельной аристократии, закрепленной за ними на «майоратной» основе⁹. В XIII в. в связи с начавшимся развитием суконной промышленности кастильские феодалы объединились в привилегированную овцеводческую корпорацию «Места», присвоившую себе монополию пасти овец всюду, где имелся корм, и это право сохранялось до 1836 г. Придерживаясь курса на экспорт шерсти и развитие овцеводства, испанский абсолютизм практически полностью запретил огораживание и запашку земельных участков. В сознании деревенского жителя закреплялись «пять запретных вещей»: сады, поля, виноградники, пастбища для рогатого скота и луга. Пользуясь особым покровительством короля, кастильские феодалы-овцеводы, хотя и не производили огораживания своей земли, не разрешали и крестьянам огораживать свои поля от 12-миллионных полчищ мериносов, ежегодно прогоняемых через всю страну с севера на юг и обратно. Это привело к сокращению посевов зерна, упадку сельского хозяйства и оттоку жителей в города, где они превращались в деклассированных пауперов, не имевших возможности влиться в промышленность из-за ее слабого развития.

Не было в Испании и достаточного количества капиталистических предпринимателей, способных сформировать новые, более прогрессивные формы хозяйственной жизни и производственных отношений. Воинственное кастильское дворянство, проникнутое духом служения «Богу и королю, ради богатства, славы и чести», предпочитало золото американского континента капиталу, считая для себя унижительным занятие торговой и прочей деятельностью. Как правило, основную массу купцов, банкиров и предпринимателей в Испании XVI в. составляли иностранцы. Свидетельства предпринимательской и банковской деятельности со стороны коренных испанцев (Симон Руис и других севильских банкиров) практически единичны. Большинство из них действовали как агенты гонуэзцев и других иностранных банков, активно спекулируя на скупке и продаже векселей и государственных ценных бумаг. «Не служивое дворянство», включая и младших сыновей титулованной аристократии, могло найти работу при наличии высшего образования только в лоне церкви или при королевском дворе в Мадриде. Последний к середине XVII в. оставался практически единственным кастильским городом, как «магнит» притягивающим и значительную часть населения с прихлывших в экономический упадок других территорий страны. Число его жителей увеличилось с 4 тыс. в 1530 г. до 37 тыс. в 1594 г. и 100 тыс. к концу XVII в.¹⁰. Гонсалес де Сельориго, казначей из Вальядолида, писал о том, что Кастилия представляет собой общество, в «котором как деньги, так и труд, являются невостребованными; общество, в котором на одного честно выполняющего свою работу труженика, приходится 30 паразитов; общество с ложным пониманием ценностей, ошибочно принимающим тень за субстанцию, а субстанцию за тень. Вместо того, чтобы увеличивать национальное богатство, всячески развивая промышленность, оно наращивает запасы драгоценных металлов»¹¹.

⁸ Маркс К. Капитал. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23. М., 1960, с. 727.

⁹ Elliott John H. Op. cit., p. 80.

¹⁰ Nadal J. La poblacion espanola, siglos XVI a XX. Barcelona, 1984, p.68.

¹¹ Цит. по: Elliott John H. Op.cit., p. 317–318.

Подобной этики придерживалось и само испанское государство. «В отличие от прогрессивной политики меркантилизма в Нидерландах, Англии, Франции, ее испанская разновидность была основана на проведении государством политики, направленной на накопление драгоценных металлов. “Увлечшись” колонизацией, испанское государство мало заботилось о развитии предпринимательства. Это сделало более выгодным импорт готовой продукции, чем организацию собственного производства, что в итоге привело к деградации экономики и краху могущества самой Испании», считает российский исследователь М. В. Клинова¹².

Зарождавшиеся производительные силы нового способа производства, первые ростки капиталистической мануфактуры и свободного предпринимательства требовали проведения протекционистской политики, ограждавшей молодую испанскую промышленность от иностранной конкуренции. Однако феодальная по своему характеру политическая надстройка, обеспечивавшая защиту привилегий аристократических династий Кастилии (Мендоса, Энрикес, Гузман), не только не стимулировала производственную деятельность, но, наоборот, обусловила крах целых отраслей национальной экономики. В XVI–XVII вв. Испания стояла перед выбором между развитием мануфактуры с протекционистскими пошлинами и увеличением экспорта шерсти и других продуктов «Месты». В результате победило овцеводство.

Наибольшим злом для Испании оказалась «революция цен» (обратное влияние хлынувшего из новых колоний золота и серебра на европейское хозяйство), пик которой пришелся на вторую половину XVI в. В 1560–1600 гг. цены на испанские товары росли в среднем ежегодно на 2,8%, в то время как в Англии и Франции – на 1,3%, что значительно ослабило их конкурентоспособность, особенно в испано-атлантической торговле. Еще больший вред экономике был нанесен политикой искусственного сдерживания роста заработной платы (в 1545–1585 гг. заработная плата увеличилась всего на 80%), которая привела к значительному (на 30%) снижению покупательной способности населения. Строгая система такс и предельных цен, введенная на испанские сукно и зерно, окончательно разорила суконную мануфактуру и зерновое хозяйство и способствовала превращению Кастилии в импортера продовольственных товаров на многие десятилетия.

Не сыграла своей положительной роли государственная монополия на колониальную торговлю с американским континентом, просуществовавшая до 1680 г. С целью удержания контроля над важнейшим источником королевских доходов монополия была передана в руки Севильской торговой палаты, а позднее и кадисских купцов. Тем самым был нанесен сильный удар экономике центральных и северных районов метрополии, вызвавший массовый отток их населения и удорожание транспортных перевозок. Высокие таможенные пошлины (превышавшие 12% стоимости товара) на внутренние перевозки в порты Севильи и Кадиса для отправки в Новый Свет испанских товаров снижали их конкурентоспособность по сравнению с аналогичными иностранными товарами, освобожденными от ввозных пошлин в Испанию и в большинстве своем перевозимых на фламандских судах. Начав борьбу с протестантским Севером, Филипп II ввел эмбарго (в 1585 г.) на использование фламандских судов в испано-атлантической торговле, что привело к обострению конкуренции, постепенным серьезным изменениям в объеме, структуре и характере внешнеторговых связей Испании и ее заморских территорий, что, в конечном счете, полностью подорвало важнейший источник экономического процветания империи. В значительной мере этому способствовала демографическая катастрофа в Мексике. Население страны в результате эпидемий и других причин к концу XVI в. сократилось с 11 млн до 2 млн человек, соответственно снизился и потребительский спрос на ввозимые товары.

¹² Клинова М. В. Из истории взаимодействия государства и бизнеса. Меркантилизм и его разновидности в Западной Европе и России. — Экономические стратегии, 2016, № 2, с. 134.

Иными словами, Великие географические открытия, варварское ограбление южноамериканского континента, другие методы первоначального накопления капитала, давшие импульс капиталистическому развитию Европы, в Испании дали противоположный эффект. Осмысливая и обобщая причины этой катастрофы, Маркс пришел к выводу, что «абсолютная монархия не только нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации, но она сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить возникновения общих интересов, обусловленных разделением труда в национальном масштабе и многообразием внутреннего обмена, которые и являются единственно возможной основой для установления единообразной системы управления и общего законодательства»¹³.

Негативную роль в этом процессе, сыграла «кастилизация» государственной финансовой политики, направленная преимущественно на обслуживание интересов королевской власти и узкой прослойки кастильского дворянства. В этом смысле совершенно прав был испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет: «Кастилия создала Испанию, но и Кастилия разрушила ее»¹⁴. На протяжении всего правления габсбургской династии в системе поступлений в королевскую казну главную долю (70%) составляли доходы от колоний, в первую очередь от мексиканских и перуанских серебряных рудников, эксплуатация которых являлась исключительно прерогативой Кастилии, а также внешние заимствования. Около 30% поступало в казну за счет прямого и косвенного налогообложения населения метрополии¹⁵. Менее 1% приходилось на другие виды налогов: церковную терцию, налог на доходы от соляных копий и других рудников на полуострове, внутренние и внешние таможенные сборы.

Главная особенность структуры доходов королевской казны заключалась в том, что почти 80% налоговых поступлений внутри метрополии приходилось на долю кастильского населения, и прежде всего его наименее обеспеченных слоев — податного сословия. Только за последнюю четверть XVI в. доходы казны от налоговых поступлений увеличились в 5,3 раза¹⁶. При этом титулованное дворянство (герцоги, маркизы, графы, гранды), численность которого в XVI в. выросла почти в два раза, было освобождено от уплаты налогов. Значительными налоговыми льготами пользовались и многочисленные рантье, получатели доходов по всем видам ценных бумаг.

Основным видом внутреннего (обычного) налога являлась знаменитая алькабала (10% процентный налог на торговые сделки). Начиная с 1590 г., в связи с необходимостью увеличения бюджетных доходов вводятся так называемые «миллионы» (акцизные сборы на ряд продуктов первой необходимости: мясо, вина, масло), а также чрезвычайные налоги, собираемые в форме поголовного налогообложения городского и сельского населения Кастилии в случае проведения военных операций и других чрезвычайных мер. Полуавтономный статус других территорий метрополии обычно гарантировал от чрезмерного кастильского вмешательства, освобождая их от уплаты чрезвычайных налогов. По мнению некоторых исследователей, именно данное обстоятельство — более низкий уровень налогообложения периферийных провинций — позволило им к началу XVII в. опередить деградирующую Кастилию по многим экономическим показателям.

Анализ расходной части государственных финансов Испании XVI в. красноречиво свидетельствует о практически полном отсутствии интереса правительства к поощрению и развитию в стране промышленности и сельского хозяйства. Экономические

¹³ Маркс К. Революционная Испания, с. 432.

¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. М., 1994, с. 292.

¹⁵ Литаврина Э. Э. «Революция цен» и государственные финансы Испании в XVI—XVII веках. — Проблемы испанской истории. М., 1979, с. 214.

¹⁶ Там же, с. 215.

расходы (строительство и содержание торговой флотилии, ртутных рудников Альмадена) неизменно составляли всего 1–2% бюджетных средств, в то время как их основная часть (до 28%) шла на военные операции и армию. Управленческие расходы на содержание огромного и постоянно растущего бюрократического аппарата, а также самого пышного в Европе королевского двора превышали четвертую часть бюджетных средств. Подавляющая их часть (до 50%) шла на обслуживание государственного долга, на выплату высоких процентов по ценным бумагам внутреннего государственного долга (*juros*)¹⁷, выпускаемых с 1480 г. Существовало три вида ценных бумаг: на определенный срок, пожизненные с правом наследования и отчуждаемые. Первые два вида выдавались королем за военные и другие заслуги. Отчуждаемые ценные бумаги свободно обращались на рынке и, как правило, приобретались богатым городским населением. Таким образом торговый и производительный капитал предпочитал значительную часть своих средств вкладывать в ценные бумаги, гарантированные государством, а не в рискованную, полную опасностей внешнюю торговлю и разоряемую постоянно растущими налогами промышленность. На эту особенность частнокапиталистического накопления в Испании обратил внимание испанский экономист того времени Томас Меркадо: одной из причин экономического упадка страны является «чрезмерное распространение *juros*, которые продаются на таких выгодных условиях, что дают больший доход, чем занятия торговлей, земледелием и животноводством»¹⁸.

Одной из доходных статей операций по государственному долгу являлась также оплата высоких ростовщических процентов (14%) по краткосрочным (сроком на два – три года) займам-«асьенто». В большинстве случаев «асьентистами» – кредиторами испанского монарха – являлись известные иностранные банкиры (генуэзские, фламандские, немецкие, португальские). Им было предоставлено право вывозить драгоценные металлы в счет погашения долга, что служило важным фактором частнокапиталистического накопления в других европейских странах.

Испанское казначейство часто не справлялось с огромными платежами по обслуживанию госдолга, которые поглощали все большую часть доходов государства, следствием чего являлась хроническая несбалансированность бюджета. Финансовые трудности решались путем перевода обязательств по краткосрочным долгам в обязательства по долгосрочному госдолгу, т.е. фактически осуществлялась амортизация текущего долга. Нередки были случаи прямой конфискации у частных лиц драгоценных металлов, поступивших из Америки, в обмен на ценные бумаги внутреннего долга в виде *juros* из расчета 5–6% годовых. Для сбалансирования бюджета правительство нередко вставало на путь коррупции и мошенничества: расширяло систему откупов и распродажи должностей, званий *идальго* и королевских городов в обмен на покупку ценных бумаг, что приводило к значительному падению их номинальной стоимости (по некоторым оценкам до 56%¹⁹), систематическому снижению содержания драгметалла в серебряной монете, порче и выпуску обесцененной монеты (дуката), переходу на медные деньги (веллону), росту инфляции, которая в конце XVI – начале XVII в. стала главным инструментом финансовой политики испанского государства.

Иными словами, если в передовых европейских странах государственный долг являлся важнейшим рычагом первоначального накопления капитала, способствующим появлению капиталистической системы финансов и кредита, других прогрессивных форм хозяйственной жизни, то в Испании рост государственного долга означал лишь увеличение непроизводительных расходов государства, хронический бюджетный

¹⁷ *Beltran M.* Ideologias y gasto public en Espana. 1814–1860. Madrid, 1977, p. 186–187, 261–262.

¹⁸ *Mercado T. de.* Suma de los tratos y contratos. Sevilla, 1587, p. 230.

¹⁹ *Ruiz Martin F.* Un expediente financier a 1560–1575. – Moneda y Credito. Madrid, 1965, № 92, p. 24.

дефицит и расстройство государственных финансов, неоднократно приводивший их к полному банкротству. К середине XVII в. череда государственных банкротств стала особенно угрожающей.

Стоит отметить, что в начале XVII в. руководство страны начало осознавать пагубность проведения такой финансовой политики. Речь идет, в частности, о доне Гаспаре де Гусмане графе-герцоге Оливаресе, возглавившем в 1622 г. Государственный совет Кастилии. Первыми его шагами в новом качестве стали борьба с коррупцией и привлечение к ответственности наиболее коррумпированных чиновников, сокращение численности придворных должностей при королевском дворе. В разработанном им проекте административно-управленческих преобразований основное внимание уделялось вопросам гармонизации и унификации налогового законодательства испанских территорий по принципу «один король, один закон и одна денежная система». Это означало отмену средневековых привилегий, введение единой и солидарной ответственности в области налогообложения, увеличение налогового бремени богатых слоев населения. Особое внимание уделялось планам создания национальной банковской системы, которая позволила бы уменьшить зависимость королевской казны от многочисленных иностранных «асъентистов», установить твердый 5% доход на государственные ценные бумаги, увеличить инвестирование земледелия, производственной и торговой деятельности. Предполагалось также создание так называемой «объединенной армии» в 140 тыс. резервистов, набранных пропорционально численности населения отдельных территорий метрополии.

Несмотря на масштабность личности Оливареса, не все задуманные им реформаторские проекты были воплощены в жизнь. Они вызвали ожесточенное сопротивление не только верхушки кастильского общества, но серьезные протесты и даже восстания в регионах против центрального правительства с требованиями расширения политических прав и увеличения доли в получаемых Кастилией американских вливаний. Последние испанские Габсбурги и политическая элита, управлявшие страной во второй половине XVII в., уже не предпринимали попыток реформ и даже боялись их проведения. По словам Эллиотта, это были «люди, не желавшие меняться, лишённые широты видения и силы характера, чтобы порвать с прошлым, которое уже не могло служить надежной основой для будущего страны»²⁰. Не желало меняться и само испанское общество. Ухудшающееся экономическое положение и серьезные военные поражения тяжело отразились на национальном самосознании испанцев. Испания, в первую очередь кастильское общество, чувствовала себя «преданной Богом, который по необъяснимым причинам отвел свою благодать от избранного народа»²¹.

Единственным институтом, продолжавшим борьбу за сохранение традиций и духовного господства Великой католической Испании, «принесшей Евангелие половине мира и разящий молот для еретиков»²², оставалась церковь. В отличие от соседних европейских стран в Испании господствовала феодально-католическая реакция и костры инквизиции, в пламени которых гибла передовая и мыслящая часть испанской нации. В начавшихся публиковаться с 1583 г. списках запрещенных авторов, так называемых «индексах Quiroga и Ultimo», значились имена Декарта, Ньютона, Лейбница, Данте, Гоббса, Руссо, Дидро, Вольтера, Макиавелли, Томаса Мора. Любой человек, заподозренный в чтении этих книг или сочувствующий изложенным в них взглядам, мог быть подвергнут церковному суду. По некоторым данным, через ужасные пытки и аутодафе прошло около 300 тыс. человек, подозреваемых в ереси²³.

²⁰ Elliott John. H. Op.cit., p. 382.

²¹ Brennan G. The Literature of the Spanish People. Cambridge, 1951, p.270.

²² Menendez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos espanoles, t. 2. Madrid, 1896, p. 1057.

²³ Escudero Jose A. La Inquisicion en Espana. Cuadernos Historicos XVI. Madrid, 1985.

Начавшийся экономический упадок привел к политической деградации Великой Испанской монархии, терпящей одно за другим военное поражение от своих главных политических и религиозных соперников Англии, Франции и Нидерландов. Нидерландская буржуазная революция (1566–1609 гг.) стала первым взрывом внутренних противоречий между феодализмом и зарождавшимся капитализмом, вылившихся в форму национально-освободительной борьбы против испанского владычества.

В 1588 г. была разгромлена Непобедимая армада, что стало тяжелым ударом по морскому могуществу Испании. После этого поражения «королевой морей» становится Англия. Морские пути попали под полный контроль пиратов. Спустя несколько десятилетий активизировался процесс разрушения внутривластного единства самой метрополии. Одними из самых неуправляемых территорий испанской монархии стали Португалия и Каталония, население которых всегда ненавидело кастильцев. В 1640 г. Португалия и Каталония восстали против испанского господства. Каталонская революция, поддерживаемая Францией, была подавлена в 1652 г. В 1668 г. Португалия провозгласила независимость и отделилась от Испании. С середины XVII в. раздираемая внутренними противоречиями Испания лишилась колониальных владений. Гваделупа, Мартиника, Ямайка были захвачены Францией и Англией.

После смерти бездетного испанского короля Карла II (в ноябре 1700 г.) Испания оказалась зависимой от решений, принятых в Париже, Лондоне, Вене и Гааге. Возведение на испанский престол под именем Филиппа V герцога Анжуйского из династии Бурбонов означало в перспективе объединение испанской и французской корон. Это привело бы к значительному усилению Франции — главной соперницы Англии на европейской арене того времени. Во избежание этого Англия создала коалицию — Великий союз (Австрия, Англия, Португалия и Голландия), — которая выдвинула своего претендента на испанский престол — эрцгерцога Карла из австрийских Габсбургов. Начавшаяся длительная война за испанское наследство (1702–1714 гг.) между Англией и Францией закончилась Утрехтским (1713 г.) и Раштаттским (1714 г.) мирными договорами, в соответствии с которыми испанский престол перешел к Бурбонам, а испанские владения в Нидерландах и Италии к австрийским Габсбургам. Англия получила Гибралтар, ключевую позицию Испании в Средиземном море, и Менорку.

«Какое счастье! С величием Пиренеев покончено. Они ушли в песок. Испания сейчас представляет собой просто одно из национальных европейских государств», — сказал накануне коронации нового испанского монарха Филиппа V из династии Бурбонов испанский посол во Франции маркиз де Кастельдосриус²⁴. Эту историческую фразу можно считать заключительным аккордом феномена Великой Испанской монархии и началом нового этапа исторического развития испанского государства.

Библиография

- Бокль Г. Т.* История цивилизации в Англии, в 2-х т., т. II. СПб. — М., 1873.
- Клинова М. В.* Из истории взаимодействия государства и бизнеса. Меркантилизм и его разновидности в Западной Европе и России. — Экономические стратегии, 2016, № 2.
- Литаврина Э. Э.* «Революция цен» и государственные финансы Испании в XVI–XVII веках. — Проблемы испанской истории. М., 1979.
- Маркс К.* Капитал. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 23. М., 1960.
- Маркс К.* Революционная Испания. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 10, М., 1958.
- Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. М., 1994.
- Beltran M.* Ideologías y gasto public en España. 1814–1860. Madrid, 1977.
- Brenan G.* The Literature of the Spanish People. Cambridge, 1951.

²⁴ Цит. по: *Hargreaves-Mawdsley W. N.* Eighteen-Century Spain 1700–1788: A Political, Diplomatic and Institutional History. Palgrave Macmillan, 1979, p. 16.

- Elliott J. H.* Imperial Spain: 1469–1716. Penguin (UK), 2002.
Escudero Jose A. La Inquisicion en Espana. Cuadernos Historicos XVI. Madrid, 1985.
Hargreaves-Mawdsley W. N. Eighteen-Century Spain 1700–1788: A Political, Diplomatic and Institutional History. Palgrave Macmillan, 1979.
Martin J. L. La Peninsula en la Edad Media. Barcelona, 1976.
Mendez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos espanoles, vol. 2. Madrid, 1896.
Mercado T. de. Suma de los tratos u contratos. Sevilla, 1587.
Nadal J. La poblacion espanola, siglos XYI a XX. Barcelona, 1984.
Prieto J. P. Estructura economica de Espana en el siglo XVIII. Madrid, 1975.
Ruiz Martin F. Un expediente financier a 1560–1575. – Moneda y Credito. Madrid, 1965, № 92.

References

- Beltran M.* Ideologias y gasto public en Espana. 1814–1860. Madrid, 1977.
Brenan G. The Literature of the Spanish People. Cambridge, 1951.
Buckle H. T. The history of Civilization in England, in 2 vol., vol. II. Saint-Petersburg – Moscow, 1873. (In Russ.)
Elliott J. H. Imperial Spain: 1469–1716. Penguin (UK), 2002.
Escudero Jose A. La Inquisicion en Espana. Cuadernos Historicos XVI. Madrid, 1985.
Hargreaves-Mawdsley W. N. Eighteen-Century Spain 1700–1788: A Political, Diplomatic and Institutional History. Palgrave Macmillan, 1979.
Klinova M. V. From the History of Interaction between Government and Business. Mercantilism and its Varieties in Western Europe and Russia. – Economic Strategies, 2016, № 2. (In Russ.)
Litavrina E. E. The “Price Revolution” and Public Finances in Spain in the 16th – 17th centuries. – Problems of Spanish History. Moscow, 1979. (In Russ.)
Martin J. L. La Peninsula en la Edad Media. Barcelona, 1976.
Marx K. Capital. – *Marx K., Engels F.* Collected Works, vol. 23. Moscow, 1960. (In Russ.)
Marx K. Revolutionary Spain. – *Marx K., Engels F.* Collected Works, vol. 10. Moscow, 1958. (In Russ.)
Mendez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos espanoles, vol. 2. Madrid, 1896.
Mercado T. de. Suma de los tratos u contratos. Sevilla, 1587.
Nadal J. La poblacion espanola, siglos XYI a XX. Barcelona, 1984.
Ortega y Gasset J. Invertebrate Spain. Moscow, 1994. (In Russ.)
Prieto J. P. Estructura economica de Espana en el siglo XVIII. Madrid, 1975.
Ruiz Martin F. Un expediente financier a 1560–1575. – Moneda y Credito. Madrid, 1965, № 92.